

УДК 801.82
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-85-95>

УЧЕНИЕ О ПРИРОДЕ СИМВОЛОВ И ТЕОРИЯ ДИАЛОГА М. М. БАХТИНА В РЕЦЕПЦИИ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ-ФИЛОЛОГОВ

Го Мин

Муданьцзянский педагогический университет, Муданьцзян, Китай, guoming_zihan@163.com

Аннотация

Введение. Научное наследие русского философа и культуролога М. М. Бахтина является значимым и самостоятельным объектом интерпретации в современной гуманитаристике. Интересным видится рассмотрение смыслов, заложенных в трудах ученого, в аспекте выявления специфики их рецепции со стороны носителей конкретной национальной картины мира. В современном Китае наблюдается расширение интереса к изучению творческого дискурса М. М. Бахтина, что делает необходимой попытку систематизации наработанного исследовательского опыта.

Цель – систематизировать представление о ключевых положениях в интерпретации смыслов в учении о символах и теории диалога М. М. Бахтина, содержащихся в трудах китайских филологов с учетом специфики национальной научной картины мира и универсальных, существующих в сознании представителей мирового сообщества вариантов толкования.

Материал и методы. Материалом исследования послужили тексты М. М. Бахтина как первоисточник для авторской интерпретации, а также научные источники, представляющие осмысление научного наследия М. М. Бахтина в китайской гуманитаристике. Методы исследования – текстовый, сравнительно-сопоставительный анализ, систематизация, категоризация и обобщение научной информации, интроспекция.

Результаты и обсуждение. Обобщение результатов интерпретации научных текстов М. М. Бахтина, имеющих в китайской гуманитаристике сегодня, позволяет выделить определенную модель толкования. В ее основе – ядро универсальных смыслов, выявляемых в контексте функционирования разнообразных и многочисленных трактовок учения Бахтина в современной мировой науке. К разряду ключевых универсальных смыслов в области интерпретации бахтинского учения о знаках-символах можно отнести толкование знака в соотношенности с пониманием его значения в контексте конкретной коммуникативно-речевой ситуации. В теории диалога большинством мировых ученых признается положение о диалоге как форме развертывания коммуникации любого типа, средстве межкультурного взаимодействия и формирования чувства самоидентификации. Специфика осмысления концепции М. М. Бахтина в китайской филологии состоит прежде всего в стремлении объединить варианты толкования, существующие в русле как западной, так и европейской науки. Стержнем и сущностью академической мысли Бахтина, по мнению большинства исследователей из Китая, является теория диалога, основная цель которой состоит в том, чтобы подчеркнуть позитивный гуманистический дух, отстаивающий индивидуальность и ориентированный на равноправное участие.

Заключение. Результаты обобщения опыта исследования идей М. М. Бахтина китайскими учеными демонстрируют наличие глубинной рецепции в аудитории китайских филологов по отношению к дискурсу великого русского мыслителя.

Ключевые слова: научное наследие М. М. Бахтина, учение о знаках-символах, теория диалога, китайское бахтиноведение, текст

Для цитирования: Го Мин. Учение о природе символов и теория диалога М. М. Бахтина в рецепции китайских ученых-филологов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 85–95. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-85-95>

STUDY OF THE NATURE OF SYMBOLS AND M. M. BAKHTIN'S THEORY OF DIALOGUE IN THE RECEPTION OF CHINESE PHILOLOGISTS

Guo Min

Mudanjiang Normal University, Mudanjiang, China, guoming_zihan@163.com

Abstract

Introduction. The scientific heritage of the Russian philosopher and culturologist M. M. Bakhtin is a significant and independent object of interpretation in modern humanities. It seems interesting to consider the meanings embedded in the works of the scientist in the aspect of identifying the specifics of their reception on the part of the

© Го Мин, 2022

carriers of a specific national picture of the world. In modern China, there is an expansion of interest in the study of the creative discourse of M. M. Bakhtin, which makes it necessary to try to systematize the accumulated research experience.

Aim and objectives. The purpose of the article is to systematize the idea of the key provisions in the interpretation of meanings in the doctrine of symbols and the theory of dialogue by M.M. Bakhtin, contained in the works of Chinese philologists, taking into account the specifics of the national scientific picture of the world and the universal interpretation options that exist in the minds of representatives of the world community.

Material and methods. The material of the study was the texts of M.M. Bakhtin as a primary source for the author's interpretation, as well as scientific sources representing the understanding of the scientific heritage of M. M. Bakhtin in Chinese Humanities. The research methods are textual, comparative analysis, systematization, categorization and generalization of scientific information, introspection.

Results and discussion. Generalization of the results of the interpretation of scientific texts by M. M. Bakhtin, available in Chinese humanities today, allows us to identify a certain model of interpretation. It is based on the core of universal meanings that are revealed in the context of the functioning of various and numerous interpretations of Bakhtin's teachings in modern world science. The category of key universal meanings in the field of interpretation of Bakhtin's doctrine of signs-symbols includes the interpretation of a sign in relation to the understanding of its meaning in the context of a specific communicative-speech situation. In the theory of dialogue, the majority of world scientists recognize the position of dialogue as a form of deployment of communication of any type, a means of intercultural interaction and the formation of a sense of self-identification. The specifics of understanding the concept of M. M. Bakhtin in Chinese philology consists, first of all, in the desire to combine interpretation options that exist in line with both Western and European science. The core and essence of Bakhtin's academic thought, according to most researchers from China, is the theory of dialogue, the main goal of which is to emphasize a positive humanistic spirit that upholds individuality and is oriented towards equal participation.

Conclusion. The core and essence of Bakhtin's academic thought, according to most researchers from China, is the theory of dialogue, the main goal of which is to emphasize a positive humanistic spirit that upholds individuality and is oriented towards equal participation. Dialogical thought passes through his linguistic and semiotic thinking. The results of the generalization of the experience of studying the ideas of M. M. Bakhtin by Chinese scientists demonstrate the presence of deep reception in the audience of Chinese philologists in relation to the discourse of the great Russian thinker.

Keywords: scientific heritage of M. M. Bakhtin, the doctrine of signs-symbols, the theory of dialogue, Chinese Bakhtin studies, text

For citation: Guo Ming. Ucheniye o prirode simvolov i teoriya dialoga M. M. Bakhtina v retseptii kitayskikh uchenykh-filologov [Study of the Nature of Symbols and the Theory of Dialogue M. M. Bakhtin in the Reception of Chinese Philologists]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 85–95 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-85-95>

Введение

Имя М. М. Бахтина (1895–1975) – русского философа, филолога, историка культуры – и его научное наследие известны во всем мире. Великий мыслитель XX века – автор таких всемирно известных шедевров, как «Содержание, материальные и формальные вопросы в произведении» (1924), «Проблемы творчества Достоевского» (1929), «Марксизм и философия языка» (1929), «Предыстория нового языка» (1940), «Проблемы речевых жанров» (1953), «Лингвистика, литература и проблемы текста в других гуманитарных науках» (1961), «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (1965) и др. Эти и многие другие труды составляют сокровищницу мировой гуманитаристики, высказанные им идеи до сих пор осмысляются учеными из разных научных областей, имеют последователей, открывающих их значительный интерпретационный потенциал.

Начиная с 1960-х годов, теоретические воззрения М. М. Бахтина стали активно изучаться пред-

ставителями мировой науки, вызывая целые волны интерпретаций. Уникальные идеи ученого с полным правом позволяют считать его пионером и поборником русского структурализма и формализма, предтечей коммуникативистики. Можно сказать, что М. М. Бахтин оказал огромное влияние на формирование мирового гуманистического мышления и развитие таких наук, как философия, философская антропология, лингвистика, семиотика, эстетика, поэтика, культурология, включая их методологический аппарат. Тезаурус гуманитаристики благодаря этому ученому пополнился такими дефинициями, как «карнавализация», «полифония смыслов», «диалектика соотношения внутреннего и внешнего», «диалог», «многоголосие» и пр. В частности, красной нитью через весь творческий дискурс М. М. Бахтина проходят две основополагающие и взаимосвязанные идеи – о природе знаков-символов, в том числе языковых, и теория диалога.

В связи с этим видится интересным изучение вопроса рецепции содержания творческого насле-

дия М. М. Бахтина в мировой науке. В частности, речь идет о выявлении «роли идей ученого в преодолении общего кризиса гуманитарных наук», определении «их потенциала для современного научного знания», обозначении «опасности прямолинейных, поверхностных или конструируемых в угоду научной моде трактовок бахтинских категорий» [1, с. 207]. Обозначенная проблема актуальна для рассмотрения и в рамках национальных научно-культурных парадигм. В связи с этим обоснованным можно считать предположение о наличии в интерпретации заложенной в текстах М. М. Бахтина и ставшей классической научной концепции универсальных (эксплицированных в мировой науке) и вариантных (проявляемых в рамках национальной научной картины мира) смыслов. Об этом, в частности, пишет И. В. Шапошникова: «Проблема универсалий культуры и их вербального воплощения относится к разряду фундаментальных: в разные периоды развития гуманитарной науки она побуждала исследователей к творческому переосмыслению выработанных на более раннем материале положений о допустимости самого факта наличия универсалий, о принципиальной возможности свести все богатство живого эмпирического материала к ограниченному набору универсальных признаков» [2, с. 200].

Так, представители китайской филологии проявляют неподдельный исследовательский интерес к русским текстам – литературным, научным, публицистическим и пр., предлагая интересные варианты их интерпретации (см., например: [3]). В китайской филологии сегодня востребованы в высшей степени идеи великого русского ученого М. М. Бахтина, его работы получают разностороннюю глубокую интерпретацию китайскими исследователями. Китайское бахтиноведение насчитывает порядка 40 лет. Его появление обусловлено необходимостью разработки новых принципов гуманитарной методологии, в исходном тезисе для осуществления которой ключевой потребностью выступает запрос на объединение подходов, выработанных в рамках традиционной китайской философии науки и китайской культуры, и языкового кода современной науки. При этом «восточный» взгляд на устои гуманитаристики зиждется на конвергенции точек зрения российских и западных исследователей (см. работы А. Бема, П. Бицилли, М. Бубера, В. Виноградова, Ю. Кристевой, А. Лосева, П. де Мана, Ц. Тодорова, М. Фуко, М. Шелера, Р. Якобсона и др.).

В Китае идеи М. М. Бахтина развиваются весьма продуктивно. В качестве достижений китайского бахтиноведения можно считать результаты издательской деятельности (в частности, опубликованные собрания сочинений ученого-классика), орга-

низацию тематических научных мероприятий (об этом, в частности, свидетельствует проведение масштабной XVI Международной конференции «Бахтин в постреволюционную эпоху» в Шанхае в 2017 г., в работе которой приняли участие китайские филологи), все чаще появляющиеся в последнее время исследования китайских специалистов-гуманитариев. Подробный обзор достижений в изучении идей М. М. Бахтина в китайской филологии содержится в статье президента Всекитайского общества М. Бахтина Чжоу Цичао «После и помимо понятий „полифония“, „диалог“, „карнавализация“. Изучение Бахтина в современном Китае» [4]. Так, автор отмечает, что «число защищенных докторских диссертаций в различных учебных заведениях Китая на сегодняшний день насчитывает полтора десятка работ; количество статей, опубликованных в Китае по теории Бахтина с 1979 по 2009 г., превышает 600, число монографий приближается к 10» [4, с. 223]. Предложенные М. Бахтиным методологические принципы активно применяются китайскими филологами, философами и культурологами в целях осуществления исследований, содержащих интерпретации текстов разных жанров и стилей, в том числе написанных на национальном языке с учетом его традиций и истории развития.

Значимость выводов, получаемых в результате исследования «опыта наложения бахтинских моделей на собственно китайский материал – от пародии в текстах династии Мин и соответствия классических романов китайского Средневековья бахтинской жанровой модели романа до выявления особенностей диалога поколений сквозь призму отношений «я»–«другой» в современном китайском обществе» [5, с. 182], отмечается не только китайскими, но и многими учеными-бахтиноведами из других стран. Об этом пишут в своих трудах И. Л. Попова (Россия, ИМЛИ РАН), К. Хиршкоп (Канада, Университет Ватерлоо), К. Брэнди (Великобритания, Бахтинский центр Шеффилдского университета), Г. Тиханов (Великобритания, Университет Королевы Марии), А. Балашова (ОАЭ, Университет Абу-Даби) и др.

Таким образом, *актуальность* изучения рецепции относительно идей М. М. Бахтина современными китайскими учеными и обобщение результатов этой рецепции очевидны. *Целью статьи* выступает обобщение и систематизация научного знания, наработанного за последние 40 лет в китайской русистике относительно осмысления одних из ключевых теорий М. М. Бахтина, – теории символов и теории диалога. Исследование строится с учетом как наблюдающихся в мировой гуманитаристике тенденций в интерпретации текстов великого философа, так и собственно национальных подхо-

дов, существующих в Китае на протяжении всего развития страны в ее культуре, истории, языке.

Материал и методы

Материалом исследования выступают первоисточники – тексты статей и монографий М. М. Бахтина, а также статьи китайских авторов, в которых интерпретируются содержательные аспекты семиотической теории и теории диалога М. М. Бахтина. В качестве аспекта рассматривается соотношение предложенных китайскими учеными вариантов толкования этих концепций и тех точек зрения на обозначенные теории, которые представлены в работах российских и западных ученых-филологов.

Методологическая база исследования предполагает использование общенаучного метода анализа источников по проблеме обобщения, систематизации и категоризации информации, а также сравнительно-сопоставительный метод, метод интроспекции (собственной рефлексии относительно смыслов, содержащихся в первоисточнике – текстах М. М. Бахтина), текстовый анализ.

Результаты и обсуждение

М. М. Бахтин – один из важнейших мыслителей и семиотиков гуманитаристики XX–XXI вв. После тщательного исследования нетрудно обнаружить, что в академических мыслях Бахтина одним из постоянных ключей к разгадке является его внимание к природе знаков и теории диалога. Что касается первого, то материальность, история, социальность, сознание и декодируемость, дискурс, мета-язык и ряд свойств символов имеют важное онтологическое значение и составляют основу исследований в области гуманитарных наук; с точки зрения последнего, субъективность, теория повторного появления, теория карнавала составляют суть диалогового мышления, отстаивая позитивный, индивидуалистический и гуманистический дух равного участия.

*Учение о природе знака-символа:
обобщение опыта рецепции в китайской
филологии*

1. Существенность символа. Говоря о форме и содержании символов, М. Бахтин считает, что любое символическое явление имеет определенную материальную форму. «Любой идеологический символ – это не только отражение, тень действительности, но и материал самой действительности. Любое знаковое явление имеет определенную материальную форму: звук, физический материал, цвет, движение тела и т. д.» [6, с. 189]. Другими словами, реальность знаков полностью объективна, а знаки имеют материальную основу, т. е. отображение предметов предметами, которые порождают смысл. Для более ясного объяснения мате-

риальности знаков он также особо указал: «Наряду с явлениями природы, техническими объектами и товарами народного потребления существует особый мир – мир знаков. Символы также являются индивидуальными объектами, как мы видели, любая природная, технологическая или потребительская вещь может стать символом, но в то же время она имеет значение в рамках одного объекта. Он существует только как часть реальности, а также отражает и преломляет другую реальность» [6, с. 350].

Знак, в том числе языковой знак, реализует значение в условиях конкретной речевой ситуации: М. М. Бахтин уделяет важнейшее внимание на контекст высказываний, считая, что значение и коннотация высказываний зависят не только от значения слов в словаре, но и – а это важнее всего – зависят от их способа применения и контекста применения [7, с. 618]. По его словам, важная проблема – это изучение связи конкретного взаимодействия с внесловесной ситуацией. «Язык живет и исторически становится именно здесь, в конкретном речевом общении» [8, с. 430].

2. Историчность символов. Историчность символа тесно связана с содержанием символа. Когда Бахтин обращал внимание на содержание символов, то подчеркивал особенности «акцента» и «полифонии» символов. Он указал, что существование, отраженное в символе, – это не простое отражение, а преломление символа. И это преломление определяется спорами социальных мнений различных тенденций внутри символического коллектива, т. е. классовой борьбой. Можно сказать, что символ – это сцена классовой борьбы. Поэтому каждый идеологический символ переплетается с акцентными символами разных направлений. Бахтин считает, что полифония символа – очень важный фактор в символе. Благодаря этому символы живы и обладают способностью двигаться и развиваться. Если символ исключен из социальной борьбы, он неизбежно придет в упадок, а затем выродится в аллегория, которая может стать предметом только филологических концепций.

3. Социальность символов. М. Бахтин отмечал, что символы неразрывно связаны с социальной средой. Прежде всего, по мысли ученого, любые идеологические символы, в том числе языковые, определяются социальной атмосферой и социальными группами этой эпохи, когда они реализуются в процессе социальной коммуникации. Во-вторых, понимание любого символа неотделимо от среды, в которой символ реализуется, и эта среда должна быть социальной. В-третьих, среда, в которой создаются знаки, также социальна. Символы возникают только в процессе взаимодействия многих индивидуальных сознаний. Иными словами, сим-

волы могут создаваться только в сфере между людьми, и эта сфера не является естественной. Два индивида должны быть организованы в социальную форму, т. е. сформировать коллектив: только тогда может быть сформирована символическая среда между ними. Поэтому Бахтин подчеркивал, что «любой знак в любом случае социальный» [8, с. 378].

4. *Сознание символов.* М. Бахтин утверждал, что личное сознание опирается на знаки и возникает из них, а также отражает логику знаков и регулярность знаков. Само единое сознание полно символов, потому что сознание состоит из символических материалов, созданных в процессе коллективного и организованного социального взаимодействия. Другими словами, только тогда, когда он наполнен мыслями и имеет соответствующее символическое содержание, он может стать сознанием только в процессе социального взаимодействия. Поэтому Бахтин указывал, что «личное сознание является фактом социальной идеологии» [8, с. 353]. Мы видим, что ученый уделяет особое внимание социальному взаимодействию, а символ – это материализованное проявление взаимодействия между людьми.

М. Бахтин подчеркнул взаимосвязь знаков и идеологии в статье «Марксизм и философия языка». Он указал, что идеологическая сфера согласуется с символической сферой и что идеология и символы взаимозависимы: «Все идеологические вещи имеют значение: они представляют, выражают и заменяют то, что существует вне их, а также это значит, что это символ. Там, где нет символов, нет идеологии» [8, с. 349]. Сама идеология – это своего рода символ, она одновременно и реалистична, и духовна, другими словами, это одновременно и часть реального явления, и часть духовного феномена. Например, хлеб и вино, с одной стороны, являются потребительскими веществами, а с другой – религиозными символами в христианской церемонии причастия. Другой пример: мысли людей должны быть выражены посредством языка, а язык – это прежде всего знак, отметка и знак. Он имеет абсолютную материальную реальность, т. е. языковые знаки имеют объективную реальность, передавая духовное сознание людей, языковые символы также включают означаемый компонент, значение будет по-прежнему производиться вокруг языковых знаков, и «все идеологии имеют значение» [9].

Исследователь также проанализировал борьбу между сознанием и бессознательным языком З. Фрейда, полагая, что это борьба двух социальных сил, т. е. между официальным и неофициальным сознанием. Бахтин говорил также об идеологической и даже политической природе языковых

знаков. В языковом общении люди часто цитируют слова и фразы известных людей. Бахтин проанализировал цитаты – высказывания публичных людей эпохи Средневековья, которые имеют характер откровенной проповеди рационализма и догматизма и обладают абсолютным авторитетом. Это как раз связано с доминирующим философским направлением средневекового богословия, рационализма и механизма [10, с. 91].

5. *Декодируемость символов.* Бахтин рассматривает «язык» как своего рода «семиотическую систему» и считает, что любая система символов в принципе всегда поддается декодированию, т. е. переводится в другие системы символов. Так называемое декодирование обычно направлено на «понимание» связи [11, с. 103–104]. Итак, как люди понимают символы? Бахтин говорил о следующих трех ситуациях: Во-первых, освежить значение символов через знакомые символы. Этот метод помещает символы в группу символов, которая представляет собой единое целое, и развитие ее значения является непрерывным. Во-вторых, будь то внешний символ или внутренний символ, его понимание завершается в тесном контакте со всей окружающей средой, реализуемой посредством символа. Потому что символическая природа символа заключается в его неразрывной связи с социальной средой. В-третьих, внутренние символы позволяют людям чувствовать и понимать внешние символы. Поскольку нет внутреннего символа, нет и внешнего символа. Внешний символ, который не может войти во внутренний символ, т. е. внешний символ, который нельзя понять и почувствовать, больше не является символом, а становится объектом. То, о чем шла речь выше, – это способ понимания символов, и при декодировании символов нам также нужно обращать внимание на процесс. Бахтин однажды перечислил четыре его процесса: один – это психологическое и физиологическое восприятие физических символов (слов, цветов, пространственных форм); другой – это восприятие этого символа (известного или неизвестного), чтобы понять (обобщенное) значение символов, повторяющихся в языке; в-третьих, это понять значения символов в контексте (близкий и далекий контексты); четвертый – понимание активного диалога. Эту модель можно упростить следующим образом: восприятие → познание (концептуальное значение) → познание (контекстное значение) → активный диалог. Первый этап включен в процесс понимания, потому что воспринимаемое является не объектом, а «физическим символом», т. е. сознанием, которое люди воспринимают через идеологию; второй и третий процессы являются когнитивными: обобщением и конкретностью, от общего к частному, до четвертого

этапа – это активный и динамичный диалог. Это связано с участием и передачей личной идеологии получателя знака.

Признавая понятие «понимание», мы должны различать другое понятие – «интерпретация», или «толкование». Бахтин считает, что «толкование» и «понимание» – принципиально разные процессы. Их содержание раскрывается в соотносительности с критерием «диалогичности». При «толковании» существует только одно сознание и один субъект. Напротив, при «понимании» существуют два сознания и два субъекта, которые представляют собой взаимодействие и общение между интерпретатором и пользователем символа, поэтому «понимание» всегда в определенной степени диалогично.

6. *Дискурс знаков.* По мнению М. Бахтина, дискурс как наиболее оптимальное и эффективное средство социальной коммуникации является наиболее типичным символом. Он считает, что только в языке характеристики знаков и всестороннее ограничение общения могут быть выражены так ясно и полно. Он сказал: «Вся реальность дискурса полностью растворяется в его символической функции. В дискурсе нет ничего, что не имело бы отношения к этой функции» [6, с. 354]. Можно сказать, что слова являются наиболее типичными и наиболее «чистыми» символами. Бахтин считает, что дискурсивные символы обладают определенной универсальностью. Мы знаем, что другие семиотические материалы, кроме дискурса, специализируются на отдельных областях идеологического творчества. Таким образом, каждое поле имеет свой идеологический материал. Эти специализированные знаки и символы не могут быть использованы в других областях. Дискурсивные символы вообще подходят для идеологических функций, т. е. могут брать на себя любые идеологические функции: научные, эстетические, этические, религиозные и так далее. Кроме того, дискурсивность символов имеет и сопутствующий признак, который нельзя не учитывать, т. е. дискурс сопровождает и комментирует любой вид идеологического поведения. Без участия внутреннего языка процесс понимания любого идеологического явления (живопись, музыка, ритуал) не будет реализован, хотя это не означает, что дискурс может заменить любой идеологический символ. «Но в то же время все эти идеологические знаки, которые не могут быть заменены словами, зависят от слов, сопровождаются словами, как аккомпанемент пения» [6, с. 355].

7. *Металингвистическая природа символов.* По мнению М. М. Бахтина, в учении о знаках-символах четко прослеживаются две концепции: металингвистическая и транслингвистическая. На первый взгляд, эти два термина кажутся разными, но

на самом деле они отражают диалектическую природу бахтинской философии языкознания.

Разработка Бахтиным языкознания в основном отражена в двух вопросах: роли символов в человеческом мышлении и роли выражений в языке. Первое связано с металингвистикой, а второе – с гиперлингвистикой. Во-первых, Бахтин рассматривает язык как некую систему символов и считает, что любая система символов в принципе поддается декодированию, т. е. переводу в другие системы символов. Таким образом, существует общая логика различных знаковых систем, потенциально единый язык языков, функционирующий как метаязык. Ясно, что стратегия Бахтина заключалась в том, чтобы выявить общее во всех контекстах, найти метаязык, способный объяснить объект исследования, и он считал, что именно этот метаязык структурирует межличностные отношения между сознаниями, формирует познавательную деятельность человека и играет роль социальной движущей силы. Кроме того, по мысли Бахтина, языковые знаки также обладают экстралингвистическими свойствами. При изучении языковых символов мы должны ориентироваться не только на вещи внутри языка, но и на вещи вне языка. Иными словами, признавая систематичность языковых знаков, мы должны также посвятить себя размышлению о сложной природе конкретных дискурсов в конкретных контекстах, поскольку здесь имеется и другая, столь же упорядоченная систематичность. По мнению Бахтина, действительным центром языковой деятельности человека является не языковая система, а выражение в словесной деятельности. Он указывал, что всякое конкретное выражение является звеном в цепи вербального общения в определенной области. Каждое утверждение следует сначала рассматривать как ответ на предыдущее утверждение в этой области – оно либо опровергает предыдущее утверждение, либо подтверждает его, либо дополняет его, либо опирается на него, либо предполагает его как известное. Потому что выражение в сфере общения по этому вопросу всегда имеет определенную позицию. Невозможно определить собственную позицию в виде, не предполагающем связи с другими позициями. Поэтому каждое выражение наполнено ответными реакциями на другие выражения в сфере речевого общения. Эти реакции принимают различные формы. Таким образом, вербальное общение становится процессом активного «обмена мыслями». Сообщаемые идеи не безразличны друг к другу, и каждая мысль не является самостоятельной и самодостаточной, они знакомы друг с другом и отражают друг друга. Каждое выражение связано с другими выражениями общностью в сфере вербального об-

щения и полно отголосков и отголосков чужих слов [6, с. 177].

Можно видеть, что размышления М. Бахтина по поводу языковых знаков имеют важное онтологическое значение. Ученый отказывается от практики рассмотрения языка в формате «язык как чистая субстанция» (чтобы получить чистую парадигму и лексическое значение, независимо от специфического процесса порождения слов), отвергает принцип отделения языка от социальной, религиозной и человеческой природы. Ученый обращается к очевидным системным особенностям языка (таким, как лексические, синтаксические или относительно фиксированные значения слов) и явному отсутствию контекстуальных и экстралингвистических факторов, которые не могут быть включены в систему состояния разделения. С этой точки зрения бахтинское понимание «внеязыкового», или «металингвистического», языковых символов правильно, а толкование «металингвистического» может быть ближе к сути.

*О теории диалога
с позиции интерпретации носителем
китайского языка*

1. Вводные замечания. Идея диалога – ключевая в концепции М. М. Бахтина. Эта мысль не раз актуализировалась китайскими учеными (Дун Сяоин, Лин Цзяньхоу, Чжан Цзе, Чжоу Гуаншэн, Цзэн Цзюнь, Шэнь Хуачжу и др.). На протяжении всей своей жизни он уделял внимание изучению неразрывной связи языка и жизни, личности и общества, рассматривал язык и культурную деятельность с философской точки зрения. Под диалогом мыслитель понимает «модель человеческого общения и творчества, отправной точкой которого является такое предположение: истинное сознание требует взаимодействия хотя бы двух воплощенных голосов или личностей» [12, с. 76]. Теория диалогизма в целом – ключевая позиция мировой гуманитаристики второй половины XX века, основная позиция в науке, эстетике и философии, принесшая много перспективных предложений для развития академической науки.

Как философская отправная точка и теоретическая цель теории Бахтина диалогизм занимает важное место во всей ее идеологической системе [13, с. 128]. Идеи «диалогизма» и «диалога» происходят от философско-антропологической точки зрения Бахтина, которая была предложена им при обсуждении характеристик «полифонического романа», изучении творческого дискурса русского писателя Ф. М. Достоевского. Бахтин считает, что в целом романы великого классика везде пронизаны диалогом, отражающим следующие важные черты. Во-первых, «равенство». Между главными героями романа и между главными героями и автором

существуют равноправные диалогические отношения, и каждый имеет свое субъектное право быть участником «разговора». «Разговорность есть особая форма взаимодействия разных равностатусных и ценностных сознаний» [6, с. 374]. По мнению М. Бахтина, Ф. М. Достоевский обладает одаренной способностью: он может слышать диалог своей эпохи, в эту эпоху он может не только схватывать отдельные голоса, но, что более важно, отражать в речевой ткани своего художественного произведения диалогические отношения между разными голосами, взаимодействие между ними посредством развертывания даже не диалоговой, а полилоговой коммуникации. Он мог слышать господствующий, признанный и могущественный голос эпохи, господствующую идею, но также и некоторые более слабые голоса и идеи, которые не были полностью раскрыты, скрытые идеи и идеи, только зарождающиеся [14, с. 109]. Второе – «автономность». Единого сознания верховного автора в романе нет, каждый персонаж романа имеет самостоятельное «самосознание», через которое в романе разворачивается сюжет, судьбы героев, характер образа, так как показывает разные сознания с одинаковым значением мира. Иными словами, персонажи в литературных произведениях живы и имеют свои мысли и понятия, и когда писатели «изображают кого угодно» в полифонических романах, они «принимают за господствующий фактор самосознание», которое «достаточно само по себе. Это единый, самостоятельный художественный мир» [6, с. 67]. Можно сказать, что без «диалогового» самосознания персонажей невозможны «минидиалоги» сознания персонажей, невозможны «большие диалоги» между персонажами и между авторами и персонажами в макете романа [14, с. 109]. Третье – «позитив». Субъективность главного героя и отображение в романе разных осознанных миров не означает, что писатель пассивен и не имеет собственного художественного замысла и эстетического идеала, а означает, что писатель предоставляет своим героям большую свободу в процессе творчества. В пространстве своего воображения литературные персонажи могут полностью выражать свои мнения в форме диалога и в то же время концентрировать в одной плоскости для описания всевозможные противоречивые мысли, стремиться создать синхронное состояние существования, в то время как авторское сознание всегда «под рукой». В этом заключается высокая степень позитивного мировосприятия. Вышеуказанные черты составляют творческий анализ литературных произведений Бахтиным, заставляют почувствовать самостоятельность и внутреннюю свободу главного героя произведений, заставляют осознать незавершенность диалога, за-

ставляют как бы прислушаться к полифонии хора произведений.

2. *Интерсубъектность.* Субъектность – это культурно-философское понятие, лежащее в основе понятий «диалога» и «потенциального диалога между субъектами». В исследованиях Бахтина представление о субъектности тесно связано с существованием «инаковости»: без другого нет «инаковости», отличной от «я», и не может быть построен диалог. Ведь не только в теоретическом построении, но и в исследовательской практике Бахтин всегда продолжал эту идею «инаковости», основанной на «интерности». «Что касается жанров, то он ищет диалога между Достоевским, Рабле и другими писателями; он ищет диалога между русской и немецкой философией и другими западными источниками мысли; в плане исследовательских целей он ищет диалога между литературой и философией, лингвистикой, антропологией и другими дисциплинами, а также между литературными и нелитературными факторами; он изучает диалог между персонажами в романах, диалог между автором и главным героем» [13, с. 129]. Позиция Бахтина в вопросах построения диалога – открытая, релятивистская и инклюзивная диалоговая позиция, предполагающая отказ от монологической стратегии. Данное исследование должно искать сосуществование различных систем дискурса и культурных систем, обращать внимание на «вопросание» и «инаковость» и искать на этой основе основу взаимного роста, ведь главная задача самой культуры – научиться уважать чужие мысли и понимать чужие мысли, а вторая – сохранять свои идеи и одновременно вносить в них новые варианты толкования.

3. *Теория полифонии.* Концепция полифонии была первоначально заимствована из теории полифонии в музыке, которая состоит в ориентации на синхронизацию нескольких голосов. Метафора использования музыкального термина в качестве номинации архетипа романной формы является оригинальным решением в рамках М. Бахтина. Этим термином ученый обозначает новый тип речи, эксплицированный в произведениях Ф. М. Достоевского, а также указывает на характерные черты таких романов. «Сущность полифонии именно в этом: разные голоса еще сохраняют здесь свою самостоятельность, и как самостоятельные голоса соединяются в единство, которое есть единство более высокое, чем монофоническая структура. Если надо сказать об индивидуальной воле, то полифоническая структура как раз и есть сочетание воль нескольких индивидов, что в принципе выходит за рамки воли одного индивида. Можно сказать, что художественная воля полифонической структуры заключается в соединении многих воль и формиро-

вании событий» [6, с. 27]. Очевидно, что понятие полифонии выходит далеко за рамки узкого понятия романной нарратологии, ибо бахтинская интерпретация романов Достоевского имеет свой эстетический контекст.

Полифоническая теория М. Бахтина тесно связана с полифонизмом всей художественной литературы. Он считает, что отличие полифонических романов от так называемых «сольных» заключается в отношениях между автором и главным героем. Герои Достоевского – носители самостоятельных речевых партий, а не безмолвные немые. В полифонической беллетристике автор не объективирует сознание других людей, не делает о них окончательных выводов «за их спиной». Автор дает читателю понять, что есть равное сознание других, которое, как и сознание автора, не имеет конца и не может быть завершено. «Не мир предметов отражает и воспроизводит сознание автора, а именно эти другие сознания и их миры, и воспроизвести их – значит выписать их истинную незавершенность» [6, с. 90]. Поскольку сознание других нельзя наблюдать, анализировать и определять как объект или как вещь, с ними возможен только диалог. Думать о них – значит говорить с ними. Поэтому автор должен занять диалогическую позицию по отношению к главному герою: он разговаривает с главным героем, а не говорит главному герою.

Полифоническая теория Бахтина, по существу, основана на диалогическом характере художественного мышления и опровергает «монологический» творческий принцип. Бахтин обнаружил, что «ино-я»-взаимодействие в художественном творчестве, т. е. взаимоотношения автора и главного героя ближе всего к «ино-я»-взаимодействию в реальной жизни, но на иных принципах. В восприятии жизни познающий рассматривает другую личность как своеобразную развивающуюся и изменяющуюся конкретную личность и непрерывно наблюдает за ней, не делая вывода. В литературном познании автор выносит окончательное суждение о герое, все находится в авторской власти, а герой не имеет развития и изменения. Автор управляет главным героем и дает окончательное завершение и заключение, что можно назвать общим правилом эстетической фотографии.

4. *Теория карнавала.* В китайской науке понятие разрабатывается такими учеными, как Ван Цзяньган, Ся Чжунсянь, Сун Чунсянь и др. Понятие «карнавализация» произошло от наименования «карнавального» типа празднеств в Древней Греции и Риме или ранее. Бахтин всегда обращал внимание на явление «карнавализации» и почти никогда не прекращал своих исследований поэтики карнавализации. Понятие «карнавализация» используется Бахтиным не только как характеристика рома-

нов Рабле, но и в качестве номинации-обобщения культурных особенностей периода социальных преобразований. Ся Чжунсянь после изучения поэтической теории карнавализации Бахтина указал, что карнавализация имеет свои уникальные внешние характеристики и глубокие внутренние характеристики [15, с. 74]. Например, национальность, обрядность, исчезновение дистанции, шутки – его внешние характеристики, а карнавальное мировосприятие, двойственность, относительность – внутренние. Конечно, простое истолкование «карнавала» не является целью Бахтина, но интерпретация и трансплантация карнавального духа являются намерением Бахтина. По мнению исследователя, карнавальный дух оживляет все, что заключено в тюрьму иерархического мировоззрения. Священное и вульгарное, возвышенное и смиренное, великое и ничтожное, разумное и тупое и т. д. сблизилась или слилась воедино, и границы между ними стираются и разрыв заполняется [15, с. 78]. Создается впечатление, что карнавализация – это особый язык или символ, уникальный способ мышления. В то же время его можно рассматривать и как более широкий духовно-культурный феномен, являющийся продуктом культурного проникновения и культурного взаимодействия. Поэтика карнавализации – теоретическая система, которую Бахтин беззаветно исследовал и тщательно конструировал в течение многих лет, отстаивает новый исторический взгляд, проникнутый духом карнавала, и имеет определяющее значение для культурологии. Во-первых, культурное разнообразие. «Карнавал», в видении Бахтина, – это ниспровержение иерархии и норм общества, религии, этики, эстетики и литературы, нарушение замкнутости литературных жанров, расшатывание монополии единой культуры, создание различных субкультур и массовых культур. Бинарная оппозиция официальной культуре становится все более размытой, заставляя многие несовместимые факторы чудесным образом сочетаться, заставляя их проникать, обмениваться и вести диалог между противоположностями, столкновениями и конфликтами, чтобы достичь одновременного сосуществования и множественного симбиоза [15, с. 80]. Во-вторых, культурное равенство. «В метафорическом смысле карнавализация на самом деле метафоризирует равноправный диа-

лог между различными дискурсами в эпоху культурного плюрализма, когда авторитетные дискурсы распадаются» [13, с. 131].

В существующих культурных исследованиях основное внимание ученых уделяется «центральной культуре», в то время как «периферийная культура» часто игнорируется. «В эпоху хора и многополярного симбиоза любая попытка «монологизировать» какую-либо мысль или дискурс в конце концов закончится шумной, почти комической ситуацией» [13, с. 131]. Поэтому постоянный обмен позициями между центром и периферией станет возможным ландшафтом для будущих культурологических исследований, а уважение к центральному дискурсу и игнорирование периферийного дискурса в традиционных культурных исследованиях также будет чревато отходом от аксиологии. В-третьих, открытость культуры. Бахтин указывал, что «в развитии европейской литературы карнавализация всегда помогала людям разрушать все преграды, существующие между разными жанрами, между замкнутыми системами мысли, между разными стилями. Карнавализация снимает всякую близость, взаимное презрение, сближает далекое, сближает разлученное» [9, с. 190]. Культурология должна активно искать необычный синтез различных факторов, выступать за открытость содержания и формы, интегрировать разные типы культуры, разные системы мышления (конвенциональную систему и карнавальную систему), различные приемы, разнонаправленный мир ценностей.

Заключение

Продолжение дальнейшего исследования научного наследия М. М. Бахтина, содержащего важные метапредметные и междисциплинарные смыслы, благоприятным образом сказывается на развитии современной китайской науки в сфере гуманитарных изысканий. Китайская гуманитаристика наращивает свое проблемное поле, открывая перспективы для разработки новых научных направлений и создания коллабораций с научными институтами по всему миру. «Идеи Бахтина значительно расширили пространство мышления и положительно содействовали идеологическому освобождению гуманитарных наук в современном Китае» [4, с. 61].

Список источников

1. Осовский О. Е. Бахтин в Шанхае. «Уроки китайского» для бахтинистики // Вопросы литературы. 2019. № 2. С. 207–233.
2. Шапошникова И. В. Ипостаси вербальной культуры: универсальное в специфичном // Сибирский филол. журнал. 2020. № 1. С. 199–215.
3. Чжао Сюе, Говорухина Ю. А., Суханов В. А. Русская литература в Китае: конфликт интерпретаций, его причины и пути преодоления (на материале рецепции русской литературы китайским читателем). Статья I // Вестник Томского гос. ун-та. 2021. № 473. С. 112–118. doi: 10.17223/15617793/473/13

4. Цицао Чжоу. После и помимо понятий «полифония», «диалог», «карнавализация». Изучение Бахтина в современном Китае // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 219–237.
5. Дубровская С. А. Международная Бахтинская конференция в Шанхае // Регионология (Regionology). 2018. Т. 26, № 1. С. 179–183. doi: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.179-183. URL: https://regionsar.ru/sites/default/files/2018_1/dubrovskaya.pdf?ysclid=117e2orhoy (дата обращения: 26.03.2022).
6. Бахтин М. М. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 196 с.
7. Чжан Бин. Место и смысл «Марксизм и философия языка» в развитии диалогизма круга М. М. Бахтина – краткое изложение содержания монографии «Изучение марксистской философии языка в бахтинских кругах» // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2016. № 1. С. 613–625.
8. Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка: статьи. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.
9. Бахтин М. М. Формальный метод в литературоведении / составитель Г. Поляк; редактор К. Кустанович. Нью-Йорк: Серебряный век, 1982. 237 с. URL: https://imwerden.de/pdf/bakhtin_formalny_metod_v_literaturoedenii_1982__ocr.pdf?ysclid=1182e43dgt (дата обращения: 26.03.2022).
10. Чжоу Цзэдун (周泽东). О лингвистической теории Бахтина (论巴赫金的语言学理论) // Журнал Сянтанского пед. ун-та (湘潭师范学院学报). 2002. Вып. 24. № 1. С. 89–92. URL: <https://www.doc88.com/p-8156038683469.html> (дата обращения: 28.03.2022).
11. Бай Чжэнсянь (白臻贤). О вкладе Бахтина в семиотику (论巴赫金对符号学的贡献) // Журнал Хунаньской бизнес-школы (湖南商学院学报). 2006. Вып. 13. № 2. С. 102–104. URL: <http://www.doc88.com/p-2611699002316.html> (дата обращения: 28.03.2022).
12. Рожков М. А. Диалог как самоидентификация в культуре // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 330. С. 75–77.
13. Цзян Шучжо, Ли Фэнлянь (蒋述卓 李凤亮). Диалог: теоретический дух и принципы работы (对话：理论精神与操作原则) // Литературное обозрение (文学评论). 2000. № 1. С. 128–130. URL: <http://www.doc88.com/p-5746906760645.html> (дата обращения: 28.03.2022).
14. Лю Куньюань (刘坤媛). Просвещение от китаизации бахтинской теории «диалога» (巴赫金“对话”理论中国化的启示) // Фронт социальных наук (社会科学战线). 2006. № 4. С. 109. URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-SHZX200604017.htm> (дата обращения: 28.03.2022).
15. Ся Чжунсянь (夏忠宪). Бахтинская теория карнавальной поэтики (巴赫金狂欢化诗学理论) // Журнал Пекинского пед. ун-та (北京师范大学学报). 1994. № 5. С. 74–82. URL: <https://www.docin.com/p-846732762.html> (дата обращения: 28.03.2022).

References

1. Osovsky O. E. Bakhtin v Shankhaye. “Uroki kitayskogo” dlya bakhtinistiki [Bakhtin in Shanghai. “Chinese Lessons” for Bakhtin Studies]. *Voprosy literatury*, 2019, no. 2, pp. 207–233 (in Russian).
2. Shaposhnikova I. V. Ipostasi verbal’noy kul’tury: universal’noye v spetsifichnom [Hypostases of verbal culture: the universal in the specific]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 1, pp. 199–215 (in Russian).
3. Chzhao Syuye, Govorukhina Yu. A., Sukhanov V. A. Russkaya literatura v Kitaye: konflikt interpretatsiy, yego prichiny i puti preodoleniya (na materiale retseptsiy russkoy literatury kitayskim chitatelem). Stat’ya I [Russian Literature in China: Conflict of Interpretations, Its Causes and Ways to Overcome (Based on the Chinese Reader’s Reception of Russian Literature). Article I]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2021, no. 473, pp. 112–118. doi: 10.17223/15617793/473/13 (in Russian).
4. Qichao Zhou. Posle i pomimo ponyatiy “polifoniya”, “dialog”, “karnavalizatsiya”. Izucheniye Bakhtina v sovremennom Kitaye [After and in addition to the concepts of “polyphony”, “dialogue”, “carnivalization”. The study of Bakhtin in modern China]. *Voprosy literatury*, 2015, no. 6, pp. 219–237 (in Russian).
5. Dubrovskaya S. A. Mezhdunarodnaya Bakhtinskaya konferentsiya v Shankhaye [International Bakhtin Conference in Shanghai]. *Regionologiya – Regionology*, 2018, vol. 26, no. 1, pp. 179–183 (in Russian). doi: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.179-183. URL: https://regionsar.ru/sites/default/files/2018_1/dubrovskaya.pdf?ysclid=117e2orhoy (accessed 26 March 2022).
6. Bakhtin M. M. *Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnyye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke* [Marxism and the philosophy of language: The main problems of the sociological method in the science of language]. Moscow, Labirint Publ., 1993. 196 p. (in Russian).
7. Chzhan Bin. Mesto i smysl “Marksizm i filosofiya yazyka” v razvitii dialogizma kruga M. M. Bakhtina – kratkoye izlozheniye soderzhaniya monografii “Izucheniye marksistskoy filosofii yazyka v bakhtinskikh krugakh” [The place and meaning of “Marxism and the Philosophy of Language” in the development of dialogism of the circle of M. M. Bakhtin – a summary of the content of the monograph “The study of the Marxist philosophy of language in Bakhtin’s circles”]. *Russkiy yazyk i kul’tura v zerkale perevoda: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii; 13–17 maya, 2016 g., Afiny, Gretsiya* [Russian language and culture in the mirror of translation: Proceedings of the VI International Scientific Conference; May 13–17, 2016, Athens, Greece]. Moscow, Maks Press Publ., 2016, no. 1, pp. 613–625 (in Russian).

8. Bakhtin M. M. *Freydizm. Formal'nyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka: stat'i* [Freudianism. Formal method in literary criticism. Marxism and philosophy of language: articles]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 640 p. (in Russian).
9. Bakhtin M. M. *Formal'nyy metod v literaturovedenii* [Formal method in literary criticism]. Comp. G. Polyak. Ed. K. Kustanovich. New-York, Serebryanyy vek Publ., 1982. 237 p. (in Russian). URL: https://imwerden.de/pdf/bakhtin_formalny_metod_v_literaturovedenii_1982__ocr.pdf?ysclid=1182e43drr (accessed 26 March 2022).
10. Chzhou Tszedun. O lingvisticheskoy teorii Bakhtina [On Bakhtin's linguistic theory]. *Zhurnal Syantanskogo pedagogicheskogo universiteta*, 2002, vol. 24, no. 1, pp. 89–92 (in Chinese). URL: <https://www.doc88.com/p-8156038683469.html> (accessed 28 March 2022).
11. Bay Chzhensyan'. O vklade Bakhtina v semiotiku [On Bakhtin's contribution to semiotics]. *Zhurnal Khunan'skoy biznes-shkoly*, 2006, vol. 13, no. 2, pp. 102–104 (in Chinese). URL: <http://www.doc88.com/p-2611699002316.html> (accessed 28 March 2022).
12. Rozhkov M. A. Dialog kak samoidentifikatsiya v kul'ture [Dialogue as self-identification in culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2010, no. 330, pp. 75–77 (in Russian).
13. Tszyan Shuchzho, Li Fenlyan. Dialog: teoreticheskiy dukh i printsipy raboty [Dialogue: theoretical spirit and principles of work]. *Literaturnoye obozreniye – Literary Review*, 2000, no. 1, pp. 128–130 (in Chinese). URL: <http://www.doc88.com/p-5746906760645.html> (accessed 28 March 2022).
14. Lyu Kun'yuan'. Prosveshcheniye ot kitaizatsii bakhtinskoy teorii “dialoga” [Enlightenment from the sinicization of Bakhtin's theory of “dialogue”]. *Front sotsial'nykh nauk – Social Science Front*, 2006, no. 4, p. 109 (in Chinese). URL: <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-SHZX200604017.htm> (accessed 28 March 2022).
15. Sya Chzhunsyan'. Bakhtinskaya teoriya karnaval'noy poetiki [Bakhtin's theory of carnival poetics]. *Zhurnal Pekinskogo pedagogicheskogo universiteta – Journal of Beijing Normal University*, 1994, no 5, pp. 74–82 (in Chinese). URL: <https://www.docin.com/p-846732762.html> (accessed 28 March 2022).

Информация об авторе

Го Мин, доктор филологических наук, доцент, Муданьцзянский педагогический университет (ул. Вэньхуа, 19, Муданьцзян, провинция Хэйлунцзян, Китай, 157012).

Information about the author

Guo Ming, Doctor of Philology, Associate Professor, Mudanjiang Normal University (ul. Wenhua, 19, Mudanjiang City, Heilongjiang Province, China, 157012).

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 29.03.2022; accepted for publication 01.06.2022